
Я косу отстригла, пошла воевать,
Я в джинсы заправила юбку.
Мне поздно ложится, мне рано вставать
И это не жизнь – мясорубка.

Мы выросли в годы больших перемен:
Мужчины с годами мельчали.
И лишь на экране крутой супермен
Берет на себя все печали.

Исчез недотроги жеманный оскал
Была я скромна, легкокрыла,
А нынче мужчина на ужин позвал –
И ждет, чтоб его оплатила.

Прабабушка наша скромна и робка
Вязала платочки и шали,
А я целый день у плиты, у станка –
Поспать бы, да чтоб не мешали!

И храп джентльмена порой на полу
Мешает, ну разве, соседям,

И даже носки его, те, что в углу
Не мучают запахом леди.

Давайте вернемся к забытым годам
И вспомним, что было вначале –
Мужчины стояли в присутствии дам
Они не места уступали.

Женщина склонилась над кроватью:
«Мамочка, тебе удобно так?»
Рук холодных хрупкое пожатье,
Бой часов, удары сердца в такт.

Так когда-то дочку укрывала
И укладывала мама спать.
Из кусочков шила одеяло,
Чтобы дочке ножки согреть.

Холила, лелеяла, купала,
И вязала свитер по ночам,
Если дочка вдруг заболела –
Бегала в тревоге по врачам.

И сегодня дочкино вниманье
И любовь поддерживают мать.
Видно предусмотрено заранее
Их местами в жизни поменять.

Солнечное лето сменит осень,
Дочери глаза тепло блестят.
Маме скоро девяносто восемь –
Доченьке ее за шестьдесят.

Мир покачнулся, вздрогнул и застыл,
В расширенных зрачках плясали тени.
Еще недавно самолет парил
И где-то ожидали приземленья.

Еще недавно воздух пах травой –
Ни гарью, ни металлом раскаленным.
Здесь пахло возвращением домой
Из выцветшей палатки запыленной.

Полгода в экспедиции, и вот,
Бегут по полю люди догоняя
На взлетной полосе свой самолет –
Так гонится за жертвой волчья стая.

И на бегу ругаются, кричат –
Их возмущенью, гневу нет предела –
Один побрился – вот и результат
Вся группа на посадку не успела.

Осталось лишь молить: Притормози!
Разбег, и самолет уже на взлете:
Открыт закрылок, убраны шасси
И зависть к заменившим их в полете.

Взорвался криком воздух, шар огня
В мгновение смешал металл и жизни,
И покатился по небу, маня
Вслед за собою, к погребальной тризне.

Горящие обломки на земле,
Как выходцы из огненного ада,
И зрители в густой и дымной мгле –
Свидетели смертельного парада.

Они молчали – все до одного,
Тянулись руки к полному стакану,
А после, после к бороде его,
Как спасшему от смерти талисману.

И понимали - все до одного:
Сегодня каждый заново родился.
А он от слез не видел ничего,
Но с той поры он никогда не брился.

Раскинув руки у перил моста
Стояла женщина и на воду смотрела.
Стучала жилка болью у виска,
И отзываясь, отвечало тело.

Ей страшно было ночью на мосту.
А темная вода манила в омут –
Один лишь шаг в пространство, в пустоту,
Как вызов, брошенный всему земному.

Предательству и подлости, тому,
Что к краю нас подводит и порочит.
Она боролась тщетно, потому
Так больше жить не может и не хочет.

Решила осенить себя крестом,
Молитву, прочитав перед уходом.
Рука взлетела, крест на лоб перстом,
Потеря равновесия и в воду.

Казалось, покачнулся прочный мост,
Руки коснулись скользкие перила.
Господь ли спас, молитва ли – вопрос,
Но женщина от края отступила.

Дописать автопортрет,
Кисть не выронив, не бросив.
На холсте оставить след,
Перед тем как кануть в осень.

Неумелые мазки,
Бледно-розовые краски-
Будто первые ростки.
Начиналась все, как в сказке.

Школа, первый вздох любви,
Разочарованье, близость.
Чья-то просьба: «Позови»,
Чья-то подлость, чья-то низость.

Жизнь меняет полутон:
Светло-розовый в лиловый,
Вот и давешний бутон
На картине стал багровым.

Браки, смена стран и лиц,
И попытка жить сначала,
За дрожанием ресниц
Прятать все, о чем мечтала.

Подводить итог пора –
Осень жизни на пороге.
Облетает мишура,
Сердце мечется в тревоге.

Снова светлые тона:
Дети, внучка, и работа
На картине вновь весна -
Ведь еще осталось что-то.

Так много золота в шкатулке набралось
Колечки, серьги, дорогие броши.
Мне надевать их все не довелось
Они между собою так похожи.

Но среди всей пестрящей мишуры
Я дорожу двумя – одно от мамы.
Так много лет минуло с той поры
А я храню его всю жизнь упрямо.

Второе подарил однажды сын.
Пришел домой, и стоя на крылечке:
– Ты любишь бриллианты? – он спросил
И протянул коробочку с колечком.

Его любовью преломленный свет
Был в сто карат, и для моей ладошки
Дороже ничего на свете нет,
Чем эти бриллиантовые крошки